

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижский“»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

РЯБИННИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

Материалы VIII конференции по изучению и актуализации
традиционной культуры Русского Севера

Петрозаводск
2019

МОДЕЛИ С РУССКИМИ ИСТОКАМИ В ТОПОНИМИИ КАРЕЛЬСКОГО СЯМОЗЕРЬЯ¹

Аннотация: В докладе рассматриваются три топонимные модели Сямозерья, отражающие карело-русское языковое контактирование: одна из них – структурная – свидетельствует о непосредственных контактах топонимных систем, две других представлены топоосновами, базирующимися на старых русских лексических заимствованиях и могут быть охарактеризованы как свидетельство опосредованных контактов.

Summary: The article considers three models of placenames in the territory of Lake Syamozero, that reflect Karelian and Russian language contacts: one of them is the structural – it indicates the direct contacts of toposystems, the other two are represented by the toponymic stems based on the old Russian lexical borrowings and they can be described as evidence of indirect contacts.

Ключевые слова: топонимные модели, карело-русское языковое контактирование, карельская топонимия, русская адаптация, реконструкция.

Keywords: models of placenames, Karelian and Russian language contacts, Karelian toponymy, Russian adaptation, reconstruction.

Прибалтийско-финская топонимия, в отличие от русской, отдает предпочтение сложным по структуре топонимам, состоящим из основного элемента и определяющего его атрибута: *Ahvenlambi*, *Garbalosuo*, *Isoinpeldo*. Суффиксальные образования немногочисленны, да и сам набор суффиксов довольно ограничен и не выходит за пределы одного десятка.² Из них наиболее представителен ойконимный, т. е. образующий названия населенных мест, формант *-la* (*-lu*, *-l*), который последовательно присоединяется к антропонимной основе.³ В силу большой социальной обусловленности карельские ойконимы чаще других разрядов географических названий переходили в русское употребление, при этом модели адаптации варьировались в зависимости от хронологии и ареала. На Сямозере бытуют две адаптационные модели: так называемое прямое усвоение (*Essoilu* → *Эссоила*, *Ar'koilu* → *Аркойла*) и использование традиционного русского ойконимного форманта *-ицы*, который может приобретать вид *-ица*. О русском топоформанте известно, что он возник в результате переноса наименований отдельных родовых объединений, общин, дворищ, игравших функцию заселителей, на занимаемую ими территорию. В результате подавляющее большинство ойконимов на *-ицы/-ици* имеет отантропонимное происхождение, как и прибалтийско-финских наименований поселений *-l*-ового типа. Именно аналогия в значении топооснов явилась причиной использования русской модели *-ици/-ицы* для адаптации. Эта модель важна с точки зрения историко-культурного наполнения, поскольку четко отражает относительно раннее русское проникновение в Карелию. Уже по крайней мере с XIII в., а возможно и раньше, она последовательно использовалась в нашем регионе для интеграции в русское употребление прибалтийско-финской *-l*-овой ойконимии.⁴

При этом если в вепсской топонимии последовательно происходило замещение прибалтийско-финского *-l*-ового форманта русским *-ицы/-ици* (*Haragal* – *Харагиници*, *Reboil* – *Ребовичи*), то в ливиковской процесс можно описать как наращение русского форманта к карельскому ойкониму как таковому, т. е. прибалтийско-фин. суффикс *-l* сохраняется в составе русского топонима: в окрестностях Олонца *Imtal* – *Иммалицы*, *Kunil* – *Кунилицы* и др. Однако в прошлом, судя по материалам писцового дела XVI в., модель адаптации в Приладожье была такой же, как и в вепском Присвирье: *Иманицы*, *Куневицы*.⁵

На Сямозере засвидетельствовано несколько соответствующих случаев адаптации. При этом среди сямозерских ойконимов этого типа есть образования как от христианского, так и нехристианского именослова. Примеры образований от христианских имен: *Mačcil*, рус. *Матчилица*: кар. *Mačči*, *Maččoi* – *Матвей*; *Markkel*, рус. *Маркелица* ~ *Маркелицы*: кар. *Markke*, *Markki* – *Марк*; *Mikkil*, рус. *Миккелица*: кар. *Mikki* – *Михаил*; *Zankil*, рус. *Занкелица* ~ *Занкелицы*: кар. *Zan'ki* – *Захар(ий)*. В свою очередь, выразительным примером нехристианского именослова может быть название д. *Honganal*, рус. *Гонганалица*. Современные карельские варианты названия

© А. А. Афанасьева, 2019

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

² Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С. 15–16.

³ Карлова О. Л. Суффикс *-la* в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. (Рукопись).

⁴ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 85.

⁵ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья... С. 89.

разнятся: *Honganal, Honganual*. Из них второй является, по-видимому, результатом народно-этимологического сближения ставшего со временем непонятным топонима с карельским послеложным сочетанием *hongan ual* 'под сосной'. Именно такое осмысление привело и к фонетическому переоформлению концовки топонима. В данном случае как раз русский эквивалент *Гонганалица* с формантом *-ица*, который традиционно использовался в Олонецкой Карелии для русской адаптации ойконимов *-l*-ового типа, довольно надежно свидетельствует о вхождении оригинального карельского названия в ряд ойконимов *-l*-ового типа. В его истоках может быть реконструирован ливвиковский антропоним **Honganu*, аналоги которого известны, к примеру, в финской антропонимии, где финский антропоним восходит к прозвищу, ср. фин. *honkana* 'высокий, рослый человек'.⁶ Стоит добавить, что прозвищное наименование обладает исключительно большим антропонимическим потенциалом, что подтверждает его востребованность родственными именословами, ср. фин. фамилия *Honkanen, Honkonen*, вепс. *Honghiinel/ Гонгоев*, а также многочисленные следы в отантропонимных ойконимах.⁷

Приведенные примеры свидетельствуют о размывании облика форманта, сближающегося в ряде случаев с известным русским топонимическим суффиксом *-ица*. Видимо, это вызвано окраинным положением Сямозерья в ойконимном ареале. Эта тенденция обозначилась уже в документах и на старых картах Сямозерья XVIII в., в которых обнаруживаются еще некоторые упоминания названий поселений с формантом *-ицы / -ица*, в том числе *Небылицы, Наргелица*,⁸ *Тивилицы ~ Тювелица*.⁹ Кроме того, этот суффикс был присущ части ойконимов, утративших его впоследствии, напр., совр. *Угмойла* (кар. *Ugmoilu*) на картах Генерального межевания именуется *Угмолицы*. Иначе говоря, описанная интеграционная русская модель отличалась в прошлом значительной продуктивностью. В ее орбиту оказались втянутыми даже те карельские ойконимы, которые не входят в модель *-l*-овых образований, ср. дер. *Salmennišku* (букв. 'начало пролива') – рус. *Салменица*, с. *Veskelys* – рус. *Вешкелицы*. В списках населенных мест 1926 г. эти названия зафиксированы как *Салменицы* и *Вешкелицы*.

Ближайший от Сямозерья плотный ареал ойконимов *-ицы* располагается на юго-западе, в Олонецкой округе, где фиксируется документально в XVI в. Очевидно, именно оттуда модель распространилась на Ведлозеро и Сямозеро, на северную окраину исторического Олонецкого погоста. Наиболее сложный вопрос заключается в том, почему именно в Сямозерье эта русская модель получила распространение? Если в окрестностях Олонца такими причинами была близость русского Присвирья, где модель на *-ицы* исключительно популярна, а также ощутимое русское воздействие, связанное со строительством Олонецкой крепости в XVII в., то образование своеобразного анклава на Сямозере не подкреплено ни близостью русской территории, ни убедительным историческим контекстом. Очевидно, однако, что ответ следует искать в особой роли Сямозерья в истории Карелии, возможно, связанной с периодом русско-шведского противостояния XVI–XVII вв. Стоит отметить, что нередко суффиксом *-ицы / -ица* помечается особый статус поселения, потребовавшего специальной русской адаптации. Так, к примеру, дер. *Маркелицы* – кар. *Markkel* была когда-то важным пунктом на зимнике, ведущем из Петрозаводска в Суоярви.

Вторая модель отражает тот довольно представительный ряд карельских топонимов, в основе которых лежит заимствованная русская лексема, ставшая фактом карельской речи. В данном случае применительно к топонимии можно говорить лишь об опосредованном русском влиянии. В названии покоса *Lyöžy* или *Lyöžänniityt* (Салм., Ламбисельга) выступает утраченный современными сямозерскими говорами термин *lyöžy*, однако бытование его в прошлом на Сямозере подтверждается материалами 6-томного словаря карельского языка, которые собирались в 1920-е гг.: *lyöžö* 'водянистое место, лужа'.¹⁰ Отмечается, что термин зафиксирован кроме Сямозера также в Иломантси и Видлице, а в виде производного *lyözeikkö, lyöžeikkö* 'водянистое место, место в лужах' в Суйстамо и Ругозере.¹¹ При этом в говорах Приграничной Карелии (Иломантси, Суоярви, Суйстамо) у термина есть заднерядный вариант *luozo-luožo*, он известен и в территориально смежных ливвиковских Салми и Сямозере. Тем самым выявляется ареал, привязанный к собственно карельско-ливвиковскому пограничью. Кроме того, зафиксирован и третий фонетический вариант термина – *ložo*, бытовавший главным образом в собственно-карельских говорах северной и центральной Карелии, но известный и на Сямозере.¹² Ареал дополняют восточнофинские говоры, где термин в виде *lyösä, lyösö, lösö* фиксируется неоднократно: ср. *lyösä* 'грязная лужа' (Кякисалми), 'маленькая грязная лужа у дороги, которая в сухое лето высыхает', 'водянистая низина или низинная глиняная местность', а также 'возделанный покос' (Руоколахти), *lyösö* 'водянистая низина,

⁶ Suomen murteiden sanakirja. 1–7 // Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36. Helsinki, 1985–2003.

⁷ Муллонен И. И. Наследие вепского нехристианского именослова в ойконимии южного Присвирья // Verba magistro: Сб. науч. ст. памяти профессора Александра Сергеевича Герда. СПб., 2016. С. 433–434.

⁸ План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790. [Интернет-ресурсы] URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda – дата обращения: 8.12.2018.

⁹ Список населенных мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1926 года). Петрозаводск, 1928.

¹⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, 1968–2006. Osa 3.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

сырая местность' (Пиэлисъярви), *lyösö* ~ *luoso* 'низина с водой' (Куркиёки). На Карельском перешейке был широко представлен заднерядный вариант *luosa* 'маленькое озерко, лужа, которая летом часто высыхает', а также *lösö* 'сырая скалистая местность'.¹³

Этимологически термин является древнерусским заимствованием, восходящим к рус. *лужа*. На раннюю хронологию заимствования указывает дифтонг *uo* в карельском слове.¹⁴ По данным этимологического словаря финского языка помимо карельского и восточных финских говоров термин засвидетельствован также в эстонском.¹⁵ При этом ареал термина свидетельствует о карельском посредничестве в его усвоении в восточно-финские говоры или даже скорее о карельских истоках.

Топонимические материалы, в том числе с территории Центральной Приботнии на западе Финляндии, расширяют ареал исторического бытования термина и также подтверждают карельские корни слова в восточной Финляндии, поскольку топонимический ареал убедительно накладывается на территорию бывшего карельского присутствия – северо-западное Приладожье, Карельский перешеек, район Сайменских озер, а также узкий так называемый «саволакский» клин на границе центральной и южной Приботнии.

В свою очередь, на востоке топонимическое функционирование засвидетельствовано на Сегозере, а также Ведлозере: угод. *Luožo-oboda* (Падан., Кармасельга), угод. *Luožopeldo* (Падан., Лосинная Гора), место *Doroganluožo* (Паданы), уроч. *Luožeikko* (Видл., Пертозеро), бол. *Luožijikko* (Видлица), угод. *Luožoiniitty* (Ведл., Киннерма), родн. *Luodžoinouzemu* (Ведл., Щукнаволок), бол. *Luodžoinsuo* (Ведлозеро).¹⁶ В этом же ряду и пок. *Lyöžu* или *Lyöžänniittyt* на Сямозере (Салм., Ламбисельга). Он тяготеет к Ведлозерью, находясь, собственно, на водоразделе ведлозерского и сямозерского ареалов, и помечает юго-восточную границу ареала, тянущегося из Северного Приладожья. Тем самым доказывается, что забытое сейчас на Сямозере слово пришло сюда с карельским освоением, которое продвинулось на восток с территории Карельского перешейка. При этом подтверждается пограничность Сямозера: термин практически не вышел за его пределы на восток.

Наконец, третья модель с русскими истоками – это топонимы с основой *Rossu*, которые функционируют в Сямозерье в наименованиях традиционных кладбищ, имеющих ряд общих признаков: выделяющаяся на местности тесная группа хвойных деревьев на возвышенном месте. Для обозначения кладбища в карельских говорах используются термины *kalmisto*, *kalmis(z)muu*, *kuuzikko*, букв. 'ельник', реже *männikkö*, букв. 'сосняк'. В Сямозерье встречаются названия кладбищ *Kalmoi*: карел. *kalmoi* 'кладбище' (Час., Павшойла), *Kladbiššu*: карел. *kladbiššu* 'кладбище' (Кунг., Ангенлахта). Однако чаще всего кладбища здесь называют термином *rossu/roššu*: *Rossu* (Час., Кибройла), *Roššu* (Час., Корбисельга), *Rossu* (Час., Лумбила), *Rossu* (Час., Павшойла), *Rossu* (Кунг., Корза), *Roššu* (Салм., Нижняя Салма), *Rossu* (Кунг., Рубчейла), *Roššu* (Кунг., Эссойла), *Роуца* (Сяпса). «Рощами» названы и некоторые традиционные кладбища в окрестностях Олонца: *Roššu* (Каскесозеро Котк.), *Jarkunroššu* (Антула Рыпуш.), *Roššu* (Тергелица Некк.). И на Ведлозере, и на Сямозере термин представлен и в названиях урочищ, и угодий: *Roššu* (Эссойла Сямоз.), *Roššanpeldo* (Щеккила Ведл.), *Roššuniitty* (Пертозеро Видл.).

Будучи явным русским заимствованием, в лексике термин *rošša / roššu*, *rossa / rossu* представлен в ливиковском наречии, в южно-карельских диалектах, а также в тверском, тихвинском и валдайском диалектах карельского языка. Если в Олонецкой Карелии термин обозначает как лес, так и кладбище, то, например, в Тихвинской Карелии это только кладбище, а в Тверской и Валдайской Карелии это только роца.¹⁷

При этом термин отсутствует в людиковских, собственно-карельских говорах Карелии, а также в восточно-финских говорах. Такая ареальная дистрибуция свидетельствует о явной привязке термина к региону карельского Приладожья, где термин мог закрепиться еще до исхода карелов из Приладожья, с одной стороны, в Верхневолжье, с другой, в среднюю Карелию, а затем распространиться с оттоком карелов в Олонец, на Ведлозеро и Сямозеро.

Проблема, однако, состоит в том, что ни один из источников по диалектной русской лексике не приводит напрямую значение 'кладбище' для лексемы *роца*, которая известна здесь как 'молодая поросль кустарника; молодой смешанный лес; поляна в лесу; лесная дача'.¹⁸ В Тихвинском районе термин используется в названиях кладбищ: *Šiämykäšroššane* (Опока Тихв.), *Kalmasrošša* (Моклаково Тихв.), соответственно, в Тверской Карелии термин представлен в составе топонимов, называющих лес: *Lukanrošša* (Никулино Твер.). Некоторый отголосок улавливается в выражении *пойти в роцу* 'умереть' в говорах Сибири,¹⁹ в древнерусской семантике 'лес,

¹³ Топонимический архив Финляндии хранится в Центре родных языков (Kotimaisten kielten keskus), Хельсинки.

¹⁴ Kalima, Jalo Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisien kielten slaavilaisista lainasanoista / Jalo Kalima. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1952. S. 53.

¹⁵ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000. Osa 2.

¹⁶ Кузьмин Д. В. Словарь карельской географической терминологии. Петрозаводск (Рукопись в Ин-те яз., лит. и истории РАН).

¹⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, 1968–2006. Osa 5.

¹⁸ Словарь русских народных говоров. СПб., 2001. Вып. 35. С. 210–211.

¹⁹ Там же. С. 211.

не подлежащий вырубке²⁰. В восточном Обонежье, в частности, в Кенозерье, имеется целый ряд заповедных (или святых) роц, в которых существует запрет на вырубку деревьев, при этом некоторые из них известны как кладбищенские. Поэтому не до конца понятно, было ли у русского термина на момент усвоения его в карельский в Приладожье значение 'кладбище' или оно выкристаллизовалось окончательно в карельском.

Ареал термина и топонима с основой *Rossi* привязан, как мы видим, к Онежско-Ладожскому перешейку, и Сямозерье в нем занимает важное место. Однако чтобы сделать более надежные и обоснованные выводы о формировании ареала, следует, видимо, вписать этот материал в более широкий этнокультурный контекст, в частности, становления административного членения, влияния православия и т. д. На этом фоне модель *-ицы* в целом довольно четко привязана к русскому Присвирию и пришедшему отсюда этнокультурному и языковому влиянию. В свою очередь, топооснова *Lyöžy-* свидетельствует об исторических связях с Карельским Приладожьем.

²⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. С. 223.